

Михаил Пойзнер

Судьба человека

Одесса, известно, город морской. Наверное, здесь нет такой семьи, так или иначе не имеющей отношения к морю и порту.

Хочется рассказать о судьбе замечательного человека – Ирины Константиновны Любимовой, врач, всю жизнь заботившейся о тех, кто связан с морем. Судьбе трагической, судьбе завидной...

Слово Ирине Константиновне Любимовой:

«Я, Любимова Ирина Константиновна (Юревич), родилась 28 февраля 1932 г. в Москве. Отец – Юревич Константин Феликсович, инженер. Мать – Авербух Изабелла Семеновна, врач, кандидат наук. Когда мне было 5,5 лет, в октябре-ноябре 1937 года арестовали моих родителей.

Отец после 17 лет концентрационных сталинских лагерей чудом смог выжить, вернулся в 1954 году. Мама получила «10 лет без права переписки» по ст. 58 и, как выяснилось позже, была расстреляна в мае 1938 года возле пос. Бутово Московской области. Брат матери, Авербух (Ауербах) Михаил Семенович, прятал меня у друзей, чтобы власти не поместили меня в детдом для «врагов народа».

В феврале 1938 года родная сестра папы Юлия Феликсовна Юревич сумела нелегально вывезти меня в Одессу, в семью бабушки Марии Васильевны Юревич, матери моего отца. До войны в Одессе я закончила 2 класса школы № 36.

22 июня 1941 года мне 9 лет. В этот яркий солнечный день прозвучало страшное слово «война». С июня по октябрь 1941 года – бомбежки, страшные звуки воздушной тревоги, мечущиеся люди, паника. Жили в погребе, бомбоубежищах, катакомбах. 16 октября

Москва. 1938 год

1941 года помню очень хорошо. Пустынные улицы, из проезжающего грузовика разбрасывают листовки. Через рупор звучит: «Братья и сестры, враг у Хлебной гавани. Мы вернемся – Одесса была, есть и будет советской». А потом через несколько дней нашу тихую Садиковскую улицу на Молдаванке заполнили румынские солдаты – определяли места постоев, заодно тащили все, что попадало под руку. Нас выгнали из квартиры, и мы перешли жить в погреб. В нашей квартире поселились румынские офицеры. Говорили, что из этого погреба раньше был вход в катакомбы. Не было электричества и воды, постоянно горела маленькая самодельная коптилка на парафине. В погребе было сыро и страшно, по ночам шуршали крысы. Еще хуже стало зимой – зима была очень суровой. За водой нужно было ходить вниз к ул. Балковской по Разумовской. Дорога была обледенелой и скользкой. Пока я приносила два маленьких бидона с водой, замерзала, обливалась и плакала.

Меня воспитывала моя тетя, папина сестра Юревич Юлия Феликсовна. Кушать было нечего, и чтобы как-то выжить, моя тетя меняла вещи на продукты: неполный флакон заветной «Красной

Одесса, улица Садиковская, № 31. 1942 год

Москвы» менялся на 1 кг кукурузной крупы, оставшуюся у меня мамину брошь – на 2 кг фасоли. Мой детский сарафанчик – на баночку соевой муки.

Я помню страшный день зимой, когда из всех наших дворов по ул. Садиковской румынские солдаты выгоняли прикладами евреев. Из дома № 35 вышел седой изможденный старик на костылях, на одежде у него не оказалось желтой звезды. Румын замахнулся на него прикладом, выругался и приколот ему булавкой звезду на лоб... Потекла кровь, заливая ему лицо, старик страшно закричал. Я в ужасе отпрянула от ворот. Никогда не смогу этого забыть. Из дома напротив, № 40, на саночки усадили мою подружку Инночку Вайсман и ее брата Женю. Колонна людей двинулась к Разумовской, а оттуда к скверу, где была парашютная вышка (ул. Хворостина). По дороге в гетто Инночка и Женя замерзли. Когда колонна проходила мимо нашего двора, одна из наших соседок, Ольга Ивановна Пономаренко, закричала моей тетке: «А вот я сообщу в комендатуру о том, что здесь прячется еще один жидовский ребенок».

Ужас и отчаяние моей тети трудно было передать. В эту же ночь тетя собрала меня и какие-то вещи, мы долго шли куда-то по заснеженным улицам. Эта была самая длинная дорога пешком в моей жизни – в пос. Чубаевку. Мы шли и шли – казалось, что дороге не будет конца. И теперь, когда туда можно доехать трамваем за 30-35 минут, мне не верится, что это так близко. Тетя умолила свою сослуживицу Стефу Лебедь взять меня хоть на время. Я им помогала, как могла, по хозяйству. Носила воду из колодца, помогала по кухне. У них была коза, которую я очень боялась.

Чубаевка, Дмитриевка, Александровка, Ближние Мельницы – меня как эстафету передавали из рук в руки. Выходить из дома на воздух мне разрешали только ночью, поскольку днем проводились обыски и облавы. Днем я сидела в сарае за кладкой дров, в которой было сделано небольшое углубление. Сюда же мне приносили пищу. Потом я какое-то время жила за шкафом у моей учительницы Марии Ивановны Коротуновой. Мою метрику предъявлять было нельзя, так как я была еврейкой. И тогда тете подсказали меня окрестить в церкви. После крещения мне выдали свидетельство, в котором

были изменены фамилия и имя матери Изабеллы Семеновны Авербух на Прасковью Семеновну Юревич. Это свидетельство и спасло мне жизнь. Это был мой единственный документ, по которому я прожила всю оккупацию.

В конце августа 1942 года я пошла в 3-й класс румынской гимназии, где позже и заболела тяжелой формой тропической малярии...

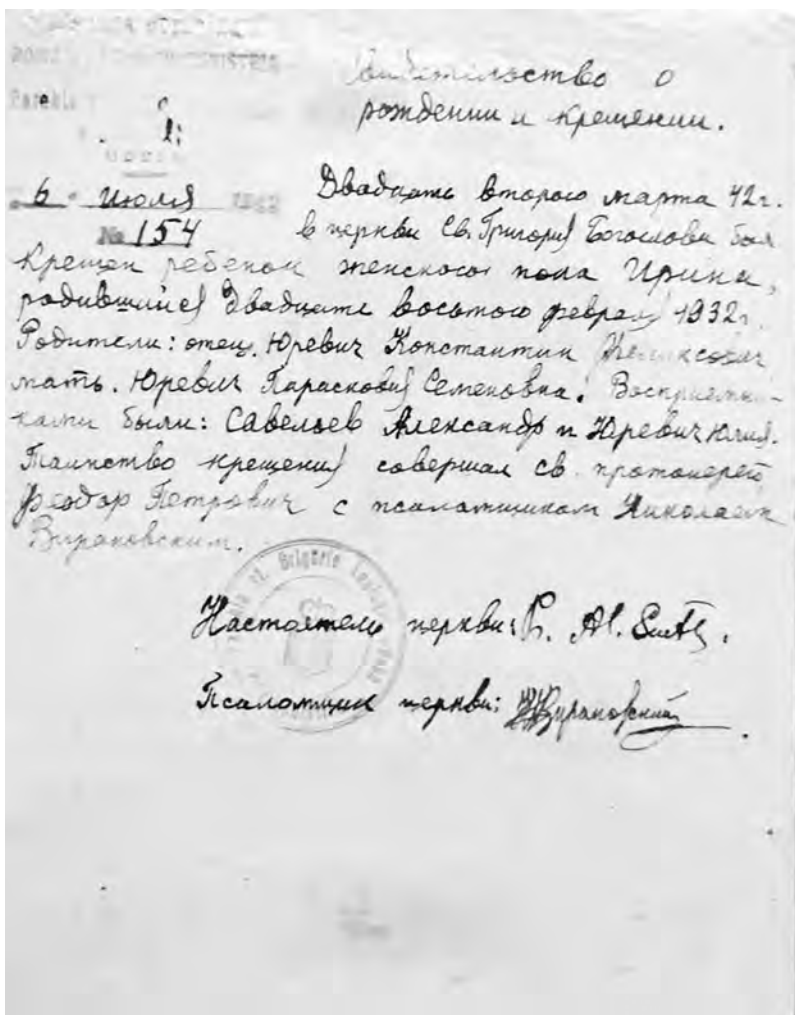
Помню, когда немцы уходили из Одессы, от горящего элеватора с зерном в Хлебной гавани вились черные клубы дыма. Потом, после ухода оккупантов, из этого сгоревшего зерна выдавали по карточкам мизерный дневной паек черного, пахнущего дымом хлеба.

В 1944 году мой отец был освобожден из ГУЛага (Сибирь) и получил вечное поселение в Коми АССР. В 1948 году папа забрал меня из Одессы к себе. С 1948 по 1949 годы мы жили в г. Княж-Погосте Коми АССР. С 1949 по 1950 гг. – поселок Ермаково Игарского района Красноярского края. С 1950-1952 гг. – г. Красноярск. В 1952 году я вернулась в Одессу и перевелась из красноярского медина в одесский, где проучилась с 1952 по 1957 гг.

С 1952 г. по настоящее время проживаю в г. Одессе. В 1954 году папа был реабилитирован, а маму немного позже реабилитировали посмертно...»

Сказанное Ириной Константиновной не нуждается в каких-либо комментариях и уточнениях. Здесь всего в избытке – и предательство, и подлость, и боль, и любовь... Все это свидетельства времени.

...После окончания с красным дипломом в 1957 году Одесского медицинского института в 1958 году Ирина Константиновна была принята на работу врачом в Бассейновую больницу моряков, а в 1965 году переведена в поликлинику Одесского порта терапевтом-профпатологом. Здесь она проработала более двадцати шести лет – до ухода на пенсию в 1991 году с общим трудовым стажем в морской отрасли тридцать три года. Она осталась в памяти множеством добрых дел. Через нее прошли тысячи портовиков, и сегодня ее имя на слуху у очень многих.

Свидетельство о крещении Ирины Константиновны Любимовой

В летнее время с 1968 по 1988 гг. работала врачом в пионерском лагере Одесского порта «Юный моряк» на 16 станции Большого Фонтана. Целое поколение детей портовиков выросло под ее неустанным заинтересованным контролем.

В 1979 году при переходе проезжей части по пешеходному переходу Ирину Константиновну сбивает машина. Травма была очень серьезная. Три месяца больницы, костыли, инвалидность... Но Ирина Константиновна и тут нашла в себе силы преодолеть проблемы со здоровьем и после реабилитации выйти на работу.

Как никто, она могла подбодрить, убедить, что все будет хорошо. Она всегда находила то главное, что позволяет человеку сохранить достоинство и веру. Она могла взять на руки чужого ребенка – найти подход, нужные слова и за считанные минуты успокоить. Когда Ирину Константиновну спрашивали, как у нее дела, она всегда отвечала: «Лучше всех!». Этот нескончаемый жизненный оптимизм, любовь к людям, преданность своей профессии помогли ей пережить все жизненные невзгоды, прожить непростую и очень насыщенную событиями прекрасную жизнь.

После выхода на пенсию Ирина Константиновна посвятила себя увлечению, о котором мечтала и по мере наличия свободного времени занималась всю жизнь, – вышиванию. И здесь она достигла большого совершенства: в 1995 году ее работы были представлены на персональной выставке в холле одесской мэрии. «Для меня отдушина, радость – это вышивка. Найти свое и понимать, что каждое мгновение неповторимо, – вот что я хотела пожелать каждому, особенно портовикам!»

И сына воспитала достойного. Игорь Анатольевич Любимов –

известный морской специалист, основатель и начальник водоплазной службы Государственного предприятия «Администрация морских портов Украины», основатель одесского подводного клуба «Посейдон», на счету которого нахождение и обследование легендарного эскадренного миноносца «Лейтенант Зацаренный», подорвавшегося на немецкой мине у острова Змеиный (о. Фидониси) в 1917 году, ветеран Одесского порта, отработал в порту более сорока пяти лет.

Этот проект завершился открытием мемориала погибшим украинским морякам на столетие гибели миноносца в 2017 году у храма Св. Николая в Одесском порту.

10 декабря 2020 года Ирины Константиновны не стало...

Перед глазами вновь и вновь пробегают страницы жизни этого удивительного человека с неповторимой судьбой. Судьбой, заставляющей еще раз задуматься о тех, кто прошел по жизни уверенным шагом, не оборачиваясь на прошлое, на безумные потери близких и любимых. Отдать должное людям, спасшим хотя бы одну человеческую жизнь.

Незаметно годы прокатились. Но время не властно над памятью – над памятью священнослужителей (в частности, настоятеля и псаломщика церкви Святого Григория Богослова), которые, рискуя своей жизнью, выдавали спасительные «Свидетельства о рождении и крещении» вместо якобы «утерянных при большевиках» православных метрик. Людей с голосом Божиим в душе... Над памятью тех, кто боролся до конца, не теряя человеческого достоинства, боролся с глубокой верой в добро и справедливость.

Светлая память Ирине Константиновне Любимовой.

